

НА КОНКУРС

● Соликамск вырос на соли. Больше 200 миллионов лет назад здесь был один из заливов Пермского моря. Залив был полон тепла. Над ним висли клубы испарений. К матовой воде осторожно подходили уродливые ящеры и утоляли жажду. Из сочных чащоб глядели тупые глазки обрюзгших от власти парейазавров, и теплые капли дождя скользили по их коварным панцирям.

Прошли тысячелетия. Море и залив высохли. Потухли в чащах глаза пресмыкающихся. Крупинки соли осели на дно медленным градом. Крупинка к крупинке. И вот образовался пласт в 400 метров толщиной и площадью в 6 тысяч квадратных километров. Уже тогда в этих белых пластах, как в волшебной табакерке, был спрятан будущий уездный городишко с церквями, лавками и солеварнями.

● Наступила другая эра. И вот однажды, перейдя по льду застывшую Каму, на берега Усолки пришли новгородцы. Рыжебородые старатели долбили землю, дули на замерзшие руки, а затем возвращались назад с обозами, полными крупной соли. Путь был долог и опасен, на привалах выставляли сторожевых, а лошадам давали горстями соль, и они лизали ее шершавыми языками.

400 лет назад в Москве, в Кремлевском дворце, царь Иван Грозный отдал Строганову грамоту, по которой тот получил право владеть землей на территории более 7 миллионов десятин. Среди отданных городков был и Соликамск. Он продолжал расти, все новые соляные варницы поднимались среди деревянных домов.

● В 1505 году в летописи записан первый набег. К городу подошла рать Кулук-султана, сына хана Ибака. Монгольская держава Чингиз-хана и Батыя давно распалась. Кочевники в грязных войлочных портах уже

не пили кумыс из китайских чашек, и только в заунывных песнях можно было узнать о былой воинской славе, о том, как с берегов золотого Керулена уходили в боевые походы тысячи воинов в кожаных шапках с луками за спиной.

Следующий набег повторился через 76 лет, в 1581 году. На Соликамск напал пельмекский хан Кихек. Город был сожжен дотла. Пожары — страшный бич деревянных городков. Высушенный солнцем тын пылает так же яростно, как кинолента. Мы, живущие среди железа и кирпича, не можем по-настоящему представить вселенской катастрофы тех древних пожаров... Пылают дома, вскипает в бревнах древесная смола, Усолка обмелела, над кострами висит в небе гуще солнце, а кругом леса, готовые вспыхнуть иглами, листьями, гнездами птиц.

В 1711 году некий Егорка Лаптев поджег амбары, огонь перекинулся на город и сгорело более 700 дворов. Шел XVIII век, средневековые было позади, но с Егоркой расправились жестоко — закопали живьем в землю... Падает глина на Егоркино тело, стучат лопаты, матерят Герострата палачи, молчат обугленные погорельцы. Суровая, беспощадная Русь, лишенная европейской изысканности даже в конструкции гильотины.

● История нашего края начиналась на Севере. Городки «поседали» друг друга, сползая на юг — Покча, затем Чердын, Соликамск, Пермь. Дороги и лесные реки решали судьбу городков. Сибирский тракт, прошедший через Екатеринбург, оставил в стороне соляной городок и тот захирел. Поубавилось населения, ослабел шум на городском рынке, а потом появились Баскунчак и Эль-

КУПОЛА ПОД КОРОМЫСЛОМ

ПУТЕВОЙ ОЧЕРК

тон — белоснежные самосадочные кожные озерца. На них соль рыли, как землю, и эта соль была намного дешевле соликамской, вываренной из рассола. Только находка калийных пластов вдохнула новую жизнь в провинциальный городишко. Тяжелым трудом зарабатывали хлеб на соликамских солеварнях. Твердую землю сверлили воротом по кругу, толкали перекладину грудью. За сужки удавалось пройти три вершка, а когда начинались кремневые породы, то и по полвершка в день. На одну такую трубку тратили от четырех до шести лет. После смены оставалось только зайти в кабак и выпить «горькой» из тяжелых железных кружек...

● Соликамские хозяйчики любили пожить, любили шикарить. В селе Красном были разбиты ботанические оранжереи солепромышленников Демидовых. В 1770 году здесь насчитывалось более 500 видов растений, собранных со всех материков старого и нового света. Здесь произрастали кактусы, благородный лавр, кофейное дерево. Хорошо было пройти около какой-нибудь цветастой редкости, помять пальцами кофейное зерно, сорвать причудливый цветок с абиссинского дерева. Собственные ананасы Демидов на перекладных посылали в Петербург. Там их подносили самой императрице Екатерине на серебряном подносе...

Рязанцевы — не чета своим предшественникам Демидовым, но тоже не ударили в грязь лицом — катались на пароходах, зимой ездили на оперные премьеры в Петербург, а летом — на скачки. Но аляповатые, претенциозные особнячки

кушлов и солепромышленников ныне не привлекают внимания. Другое дело — соликамские храмы — Троицкий собор, ефортаи колокольня, Боголюбская, Преображенская, Введенская церкви. Троицкий собор можно рассмотреть с сотен точек, и ведь он будет складываться в новый рисунок, как в калейдоскопе разноцветные стеклышки. Правда, не каждый рисунок будет удачным.

● Природа настраивает настроение подобно камертону, настраивающему музыкальный инструмент... Плывут тяжелые синие облака, и вот уже купола — это грома грузных шаров или аэростатов; дрожащих на толстых вервях барабанов. Сверкнет за куполом луч закатного солнца, брызнет он красным, словно лопнул бычий пузырь, и сочится розовой кровью... А когда нет облаков и солнце одно в голем и плоском небе — тогда храм как причудливая, выдутая ветром соляная скала. Стены дышат жарой, сверкают белым, и бегут по ним горячечные тени, складываются в новые орнаменты, изгибаются в фантастических узорах. А окна — сплошные солнечные отражения, плоские сверкающие зеркала. Ночью соборы купаются в темноте... Толпа съехавшихся ночных всадников в хрупких ажурных шлемах на головах. Темная купа сросшихся дубов с круглыми птичьими гнездами. Детали сливаются, ночь обобщает в одно целое дробные архитектурные массы. Тишина. Ночные птицы стряхнули с себя жару и летают, холодные, свежисе, рассекая воздух.

А. КОРОЛЕВ.

На снимке: Троицкий собор. Вид с колокольни.

Фото В. Ненрасова.

Продолжение следует

● Ворон взлетел, повис над травой. В черном шершавом клюве зеленая капля — кузнечик. Скосив на меня светлый глаз, он тихо взмахнул крыльями и сел на ветвь.

— Здравствуй, Ворон! Тайнственная птица с ледяной кровью, в закоптевшем одеянии. Это правда, что вы живете на свете 300 лет?

Ворон молчит, не отвечает. Старый и грузный, с голыми когтями.

— Или вы, Ворон, — заколдованный маг? Где ваш цилиндр, маэстро? Где колода волшебных карт в бархатном кошельке? Молчит Ворон, только смотрит пустыми глазницами, черный, загадочный. Живая машина времени. Триста лет. Что помнит его голова? Кто в прошлом слышал грой Ворона? Не отвечает...